

Собака — эпизод 6 из 7

Ах, говорит, как это возможно! Да вы с ума сошли! Нимфочка, говорю, успокойся, прими резон... А она как крикнет вдруг: Уйдите, уйдите сейчас с вашей противной собакой! И уйду, говорю. Сейчас, говорит, сию секунду! Удались, говорит, разбойник, и на глаза мне не смей никогда показываться. Ты сам можешь взбеситься! Очень хорошо-с, говорю я, только дайте мне экипаж, потому что я теперь пешком идти домой опасуюсь. Она уставилась на меня. Дать, дать ему коляску, карету, дрожки, что хочет, лишь бы провалился поскорее. Ах, какие глаза! ах, какие у него глаза! Да с этими словами из комнаты вон, да встрешную девку по щеке и слышу, с ней опять припадок. И поверите ли вы мне, господа, или нет, а только с самого того дня я с Нимфодорой Семеновной всякое знакомство прекратил; а по зрелом соображении всех вещей не могу не прибавить, что и за это обстоятельство я обязан моему другу Трезору благодарностью по самую гробовую доску. Ну-с, велел я заложить коляску, усадил в нее Трезора и поехал к себе домой. Дома я его осмотрел, обмыл его раны да и думаю: повезу я его завтра чуть свет к бабке в Ефремовский уезд. А бабка эта старый мужик, удивительный: пошепчет на воду а другие толкуют, что он в нее змеиную слюну пускает, даст выпить как рукою снимет. Кстати, думаю, в Ефремове себе кровь брошу: оно против испуга хорошо бывает; только, разумеется, не из руки, а из сокола. А где это место сокол? с застенчивым любопытством спросил г. Финоплентов.

А вы не знаете? Самое вот это место, на кулаке, подле большого пальца, куда из рожка табак насыпают вот тут! Для кровопускания первый пункт; потому сами посудите: из руки пойдет кровь жилная, а тут она наигранная. Доктора этого не знают и не умеют; где им, дармоедам, немчуре? Больше кузнецы упражняются. И какие есть ловкие! Наставит долото, молотком тукнет и готово!.. Ну-с, пока я таким образом размышлял, на дворе совсем стемнело, пора на боковую. Лег я в постель и Трезор, разумеется, тут же. Но от испуга ли, от духоты ли, от блох или от мыслей только не могу заснуть, хоть ты что! Тоска такая напала, что и описать невозможно; и воду-то я пил, и окошко отворял, и на гитаре камаринского с итальянскими вариациями разыграл... нет! Прет меня вон из комнаты да и полно! Я решился наконец: взял подушку, одеяло, простыню да и отправился через сад в сенной сарай; ну и расположился там. И так мне стало, господа, приятно: ночь тихая, перетихая, только изредка ветерок словно женской ручкой по щеке тебе проведет, свежо таково; сено пахнет, что твой чай. на яблонях кузнечики потрюкивают; там

вдруг перепел грянет и чувствуешь ты, что и ему, канашке, хорошо, в росе-то с подружкой сидючи... А на небо такое благолепие: звездочки теплятся, а то тучка наплывет, белая, как вата, да и та еле движется...

На этом месте рассказа Скворевич чихнул; чихнул и Кинаревич, никогда и ни в чем не отстававший от своего товарища. Антон Степаныч посмотрел одобрительно на обоих.

Ну-с, продолжал Порфирий Капитоныч, вот так-то лежу я и опять-таки заснуть не могу. Размышление нашло на меня; а размышлял я больше о премудрости: что вот как, мол, это Прохорыч мне справедливо объяснил насчет предостереженья и почему это именно надо мной такие чудеса совершаются?.. Я удивляюсь собственно потому, что ничего не понимаю, а Трезорушко повизгивает, свернувшись в сене: больно ему от ран-то. И еще я вам скажу, что мне спать мешало вы не поверите: месяц! Стоит он прямо передо мной, этакий круглый, большой, желтый, плоский, и сдаётся мне, что уставился он на меня, ей-богу; да так нагло, назойливо... Я ему даже язык наконец высунул, право. Ну чего, думаю, любопытствуешь? Отвернусь я от него а он мне в ухо лезет, затылок мне озаряет, так вот и обдаёт, словно дождем; открою глаза что же? Былинку каждую, каждый дрянной сучок в сене, паутинку самую ничтожную так и чеканит, так и чеканит! На, мол, смотри! Нечего делать: опер я голову на руку, стал смотреть. Да и нельзя: поверите ли, глаза у меня, как у зайца, так и пучатся, так и раскрываются словно им и неизвестно, что за сон бывает за такой. Так, кажется, и съел бы всё этими самыми глазами. Ворота сарая открыты настежь; верст на пять в поле видно: и явственно и нет, как оно всегда бывает в лунную ночь. Вот гляжу я, гляжу и не смигну даже... И вдруг мне показалось, как будто что-то мотанулось далеко, далеко... так, словно что померещилось. Прошло несколько времени: опять тень проскочила уже немножко ближе; потом опять, еще поближе. Что, думаю, это такое? заяц, что ли? Нет, думаю, это будет покрупнее зайца да и побегка не та. Гляжу: опять тень показалась, и движется она уже по выгону (а выгон-то от луны белесоватый) таким крупным пятном; понятное дело: зверь, лисица или волк. Сердце во мне ёкнуло... а чего, кажись, я испугался? Мало ли всякого зверя ночью по полю бегают? Но любопытство-то еще пуще страха; приподнялся я, глаза вытаращил, а сам вдруг похолодел весь, так-таки застыл, точно меня в лед по уши зарыли, а отчего? Господь ведаёт! И вижу я: тень всё растёт, растёт, значит, прямо на сарай катит... И вот уж мне понятно становится, что это точно зверь, большой, головастый... Мчится он вихрем, пулей... Батюшки! что это? Он разом остановился, словно почуял что... Да это... это сегодняшняя бешеная собака! Она... она! Господи! А я-то пошевелинуться не могу, крикнуть не могу... Она подскочила к воротам, сверкнула глазами, взвыла и по сему

прямо на меня!

А из сена-то, как лев, мой Трезор и вот он!